

НЕ АВТОР «ОВОДА», НО ЖАЛИТ БОЛЬНО

ОТ САТИРЫ ВЛАДИМИРА ВОЙНОВИЧА БАГРОВЕЛО НЕ ОДНО ОФИЦИАЛЬНОЕ ЛИЦО

Что общего между пастухом, столяром, слесарем, инструктором райисполкома, редактором Всесоюзного радио и профессором Принстонского университета? Ничего, кроме того, что все это профессии одного и того же человека — писателя Владимира ВОЙНОВИЧА.

— Владимир Николаевич, в знаменитой документально-художественной хронике «Иванькиада» вы задаете такой вопрос: «Отчего наше сверхгосударство так часто действует против себя без всякого видимого смысла?» Он относится к тем далеким временам 70-х годов или этот вопрос актуален и сегодня?

— Вообще я говорил это о советском государстве, построенном не на законах цивилизованного существования, а, напротив, на абсолютно вымышленной, безжизненной конструкции. Этой догматической системе удалось продержаться семьдесят лет, но в исторических масштабах этот срок не так уж и велик. К сожалению, атавизмы живучи до сих пор. Советская власть рухнула, а советский человек остался и будет жить еще очень долго. Почти вся нынешняя государственная номенклатура вышла из компартии. Допускаю, некоторые из должностных лиц и вправду стараются стать другими. Но есть и такие, которые вовсе не прилагают усилий к тому, чтобы измениться. Как привыкли руководить тем или иным делом, так и руководят. Даже не понимая, что попали в новую историю. И все-таки ситуация меняется, действуют и здоровые силы. Общество со скрипом свыкается с новой реальностью и как-никак в ней осваивается. И постепенно, лет, скажем, чрез двести-триста, может быть, станет нормальным.

— Тем не менее, что касается

власти — как раньше иллюзий на сей счет не испытывали, так теперь свою позицию не меняете?

— Я никогда не доверяю власти. Вообще никакой власти — и не только советской или российской, но и американской, немецкой и так далее — доверять нельзя. На то и существуют разные институты, в частности, журналистика, чтобы власть критиковать, подвергать ее действию сомнению.

— Позвольте еще вопрос, связанный с вашим прошлым. Как вы писали, что находитесь «с государством в состоянии войны, а на войне, как на войне, психология любого человека меняется». Ощущали ли вы ее издержки потом?

— Безусловно, все это не прошло незамеченным. Но как вам сказать... Простой пример. Бывает, на войне человек ведет себя храбро, иногда в высшей степени героически. Там, где повсюду свистят пули, психология несколько меняется. Возникают ситуации, когда кажется, что человеку и жизнь не очень дорога, или, во всяком случае, для него ничего не стоит ею рискнуть. А потом наступает мирное время, и человек постепенно привыкает к новым обстоятельствам, становится предудительным, осторожным. Скажем, уже не только угроза собственной безопасности, но и обыкновенный насморк вдруг вызывает у него беспокойство. Вместе с тем прошлое не забыто... На самом деле для меня это была война странная. Потому что шла на фоне общего безмолвия, общего равнодушия. Более того, я убедился в том, что многие из моих старших и бывших друзей ее даже просто не заметили. Хотя, например, инстинктивно чувствовали, что обезопасить себя нелишне. Допустим, при встрече со мной на улице перейти на другую сторону. В то же время им действительно не приходило в голову, что у челове-

ка, каждый день окруженного командой кагэбешников, которые следуют за ним по пятам, не оставляют в покое ни на одну минуту, круглосуточно окружают, совсем другая жизнь. Весьма отличающаяся от жизни того, кто преследованиям не подвергался.

— Перейдем к литературе. Сегодня немало писателей, в том числе и довольно известных, которые пытаются подыгрывать массовому вкусу. Как вы на это смотрите?

— Писатели, работающие на потребу публике, сочиняя кошмарные бестселлеры, появились не сегодня. Однако детективы Конан Дойля и им подобные соответствовали более или менее достойному уровню. Нынешние сочинители, для того чтобы привлечь внимание публики, выводят в литературные герои маньяков вроде Чикатило, с чрезмерной откровенностью описывают какие-то чудовищные, беспредельно грязные движения души, причем купаясь в этой помойке явно не без наслаждения. Мода на произведения с уклоном в психическую ненормальность дает повод для серьезных раздумий. Более того, появились писатели, которые с целью понравиться читателю сознательно притворяются безумными. И как писателю, и как читателю, все это мне чуждо.

— Судя по вашим книгам, вы довольно строптивый человек, последовательно, бескомпромиссно отстаивающий свои убеждения. И одновременно далеки от каких бы то ни было революционных воззваний...

— Никогда в жизни не звал на баррикады. Хотя часто, путая Войнич с Войновичем, мне приписывали авторство «Овода»... Я вообще против литературы, которая прямо куда-то зовет. Литература не агитка, не лозунг. Она действует более тонко и глубоко на сознание читателя.

Наша справка: в 1974 году Войнович был исключен из Союза писателей. В 1980-м — изгнан из СССР. В 1981-м — лишен гражданства. Потом ему вернули и то, и другое. Где теперь его дом? Он отвечает так: «Живу в Москве, в Мюнхене и в самолете, курсирующем между этими двумя точками».

— Писатели стянули с себя некогда навязанные им функции. Сохраняются ли у них, простите за громкие слова, какие-либо обязанности, ответственность перед читателем?

— Остаются. Хотя, пожалуй, все-таки превращаются в атавистическое представление, на что я смотрю с пессимизмом. Литература никогда не умрет. Но в то же время неизбежно будет играть все меньшую и меньшую роль в обществе. Отчасти это признак здорового общества. Ведь лишь в больном, особенно тоталитарном, государстве писатель заменяет собой целый комплекс гуманитарных инструментов. Пока к слову писателя при-

слушиваются. И нормальный писатель чувствует свою ответственность. Но она понижается.

— Вам любопытны читательские отзывы о вашем творчестве?

— Читатель мне очень нужен. Всегда полагал, что если пишу — то тем самым я как бы выступаю в зале. И мне вовсе не хотелось бы, чтобы этот зал был пуст. Однако это вовсе не означает, что я готов на все, лишь бы заполнить аудиторию. В общем, не стараюсь специально потакать запросам читателей, тем не менее меня интересует, к чему он имеет охоту.

Беседовала Елена КОНСТАНТИНОВА